

Виктор Шапинов

ИМПЕРИАЛИЗМ ОТ ЛЕНИНА ДО ПУТИНА

Когда национализированная собственность в основном поделена и встает задача стабилизации системы, нужно сильное государство, способное защитить собственность — тут буржуазия превращает Сталина в патриота-государственника и отчасти даже в «хорошего парня». Все газеты и журналы печатают статьи к сталинскому юбилею. Так «Сталин» помогает «стабилизации».

Виктор Владимирович Шапинов

Империализм от Ленина до Путина

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16071041

Империализм от Ленина до Путина: Алгоритм; Москва; 2007

ISBN 5-9265-0431-3

Аннотация

Буржуазия подходит к историческим образам не менее утилитарно, чем ко всему остальному. Так имя Сталина она приспособливает под текущие политические нужды. Когда ей нужно было ускорить процесс приватизации и укрепления связей с мировым капиталом – российская буржуазия пугала обывателя сталинскими репрессиями, «сталинизмом», единственным спасением от которых якобы и являлась тотальная либерализация всего и вся. Так «Сталин» помогал либерализации. Когда государственная собственность в основном поделена и встает задача стабилизации системы, тогда нужно сильное государство, способное защитить собственность. Тут Сталин представляется патриотом-государственником и отчасти даже «хорошим парнем». Все политики, начиная с Путина, поднимают за него рюмочку. Газеты и журналы печатают статьи на сталинский юбилей. О подобных парадоксах в развитии империализма в XX–

XXI вв. можно прочитать в книге В. Шапинова, представленной вниманию читателей.

Содержание

Цикл и революция	6
«Короткий» цикл и классовая борьба	7
Антикризисное регулирование	11
«Длинные» капиталистические циклы	14
Империализм: 1900–1945	17
1870–1890-е: становление империализма и «первая глобализация»	17
1900–1920: мировая война и мировая революция	26
1920–1945: революционный антракт, кризис, депрессия, фашизм и война	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виктор Шапинов

Империализм от

Ленина до Путина

© Шапинов В. В., 2007

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

*** * ***

Цикл и революция

Капиталистическое производство циклично: рост сменяется спадом, чтобы уступить место новому периоду роста. Несмотря на то что после преодоления последствий очередного крупного кризиса, когда экономика разгоняется и будущее кажется безоблачным, капитализм объявляется перешедшим в фазу «бескризисного развития», кризисы не исчезают. Они возвращаются в самый неподходящий момент, обрушивают рынки и повергают дельцов в панику.

«Короткий» цикл и классовая борьба

Короткие циклы капитализма, завершающиеся периодическими кризисами перепроизводства, были исследованы Карлом Марксом. Вкратце дело обстоит так.

При капитализме отдельные производители стремятся к бесконечному расширению производства, в расчете продать свой товар на рынке, который кажется им также безграничным. Стремительное развитие производительных сил промышленности и рост производительности труда обещают потенциально беспредельное расширение. Радужные перспективы «прогресса» обычно рисуются общественным сознанием именно в качестве продолжения этой тенденции. Но рынок на деле оказывается не безграничным, и в итоге не на все произведенные товары находится платежеспособный покупатель. Это истина, которую Маркс вывел за несколько десятков лет до того, как она, благодаря Кейнсу, получила право гражданства в буржуазной политической экономии.

Рынок затоваривается, продукт некуда сбыть, хотя производственные мощности какое-то время все еще работают «на склад». Затем следует «сокращение рабочих мест», или, проще говоря: работников, производящих товар, который уже не может найти сбыта, выкидывают на улицу. Это еще больше сокращает платежеспособный спрос.

Капитализм в такие моменты похож на человека, проснувшегося после бурно проведенной ночи с большой головой и трясущимися руками. Он говорит себе: «Больше никогда!» – чтобы вечером снова повторить вчерашнее.

Экономическая статистика за время своего существования зафиксировала десятки таких кризисов, последний из которых в 2001 году поразил самые богатые страны – США, Европу, Японию. До него были: мексиканский, восточноазиатский и российский кризисы.

Казалось бы, напрашивается вывод, что кризисы должны обострять борьбу против капитализма. И такой вывод часто делали популяризаторы марксизма на протяжении всего XX века.

На деле влияние периодов кризиса и подъема на борьбу класса наемных работников сложнее. Кризис вовсе не обостряет «автоматически» эту борьбу. Рабочее движение, напротив, чаще растет в период подъема, и это как раз определяется экономической конъюнктурой. В это время растут продажи и прибыли, нужны новые рабочие руки, а значит, организованные в профсоюзы наемные работники могут выбить максимум уступок. И капиталистам при хорошей конъюнктуре есть за счет чего повышать зарплату и улучшать условия труда, они легче соглашаются с требованиями работников. Иногда капиталисты даже добровольно идут на улучшение положения работников в такие периоды.

Весь период послевоенного экономического роста в Евро-

пе до середины 70-х забастовочное движение росло, также росла и оплата труда наемных работников, качество жизни, улучшались условия труда. Для «автоматического» представления о влиянии кризиса/роста на активность низов это явление не имеет объяснения. И, напротив, с конца 70-х интенсивность организованной борьбы наемных работников начинает падать, в то время как эксплуатация увеличивается, зарплаты падают, безработица растет.

Экономический рост дает почву для борьбы за улучшение своего положения в рамках системы. Кризис и сопутствующее ему сокращение производства, напротив, может вызвать апатию и дезорганизацию среди угнетенного класса. Капиталист не будет идти навстречу требованиям рабочих, у него нет ресурсов для уступок, ему и так угрожает разорение. Наемные работники, в свою очередь, могут перейти в период кризиса от коллективного отстаивания своих интересов к индивидуальным попыткам выжить при плохом спросе на рабочую силу. Часто за счет своих же товарищей по классу, таких примеров немало.

Но классовые организации, созданные в предшествующий кризису период подъема, в этот момент могут поставить под вопрос существование самой капиталистической системы. Условия в период кризиса для этого наилучшие, потому что реформистские поправки заканчиваются, эксплуатация максимально увеличивается в ходе попыток капиталистов выжить в конкурентной борьбе. Лозунгом для масс ста-

новится: «Потуже затяните пояса». Именно в этот момент революционные организации могут попытаться затянуть пояса на шею у хозяев жизни.

Но не каждый кризис одинаково глубок и разрушителен. И не каждый глубокий кризис вызывает пропорциональную «революционизацию» ситуации. Ключевым здесь является вопрос о классовом сознании пролетариата. Если политическая организация, которая является формой существования этого классового сознания, сумеет использовать активность и структуры, созданные экономической борьбой в период роста, для атаки на капиталистическую систему в целом, то тогда кризис станет революционным кризисом.

Тем не менее не всякий кризис дает возможность для такого превращения даже при наличии революционной организации. Рассмотрим факторы, оказывающие влияние на этот процесс: субъективную активность буржуазного государства и влияние «длинных» циклов капитализма.

Антикризисное регулирование

С определенного исторического момента класс капиталистов перестает просто плыть по течению стихийных рыночных сил. Он пытается противостоять складыванию негативной конъюнктуры активным вмешательством государства в экономику.

Считается, что методы антикризисного регулирования экономики были впервые предложены Джоном Мейнардом Кейнсом, советником президента США Рузвельта. Он выдвинул идею увеличения государственных расходов в качестве средства борьбы с кризисами. Для выполнения госзаказа, считал он, потребуются рабочие руки, найдут себе применение капиталы, а в денежных средствах государство дефицита не испытывает, оно может просто напечатать дополнительные деньги. Это приведет к росту инфляции и бюджетного дефицита, но, в конечном счете, экономика все равно выиграет.

Это представление о «мессии Кейнсе», разрубившем «гордиев узел» капитализма, кочующее из одного учебника по истории экономической мысли в другой, игнорирует тот факт, что способ менее тяжелого выхода из кризиса за счет госрасходов был инстинктивно нащупан капиталистической системой еще до Кейнса. Наиболее эффективной формой этого «стихийного кейнсианства» оказалась не организация

общественных работ, а война. Увеличение военных расходов приводит к созданию большого количества новых рабочих мест, позволяет рабочей силе «перетечь» из тех секторов, где плохая конъюнктура приводит к масштабным сокращениям.

Военное оборудование всегда являлось одним из самых дорогостоящих, его создание требует больших трудовых затрат, а с «потреблением» его проблем не возникает. Это потребление называется войной.

Война уничтожает те производительные силы, которые и без нее были бы уничтожены кризисом, только делает это «с пользой» для большинства капиталистов данной нации. Война, к тому же, решает также и проблему захвата новых рынков сбыта для тех секторов, которые не выигрывают от военных заказов непосредственно, и проблему консолидации общества в случае военных успехов. Военные успехи предотвращают, таким образом, революционную мобилизацию класса наемных работников. Военные поражения, напротив, увеличивают шансы революционеров. Так было после Первой мировой войны, когда общеевропейская, если не всемирная, революционная ситуация вылилась в революцию в странах, проигравших войну, – России, Германии, Венгрии, Финляндии.

Таким образом, антикризисное регулирование изменяет лишь форму связи между экономическим и революционным кризисами. «Мирное» кейнсианство вообще мало что меня-

ет в этой связи, в отличие от «военного», во всяком случае, оно ничуть не затормозило вызревание революционной ситуации 1968–1975 годов.

«Длинные» капиталистические циклы

Не каждый кризис охватывает все или большинство стран мира. Некоторые кризисы оказываются локальными и не приводят к серьезным разрушениям. А другие, как Великая депрессия 1929–1933 годов, отбрасывают самые развитые страны на годы и десятки лет назад, сокращая объемы производства на четверть, а то и вполовину.

Фактический материал о рыночной конъюнктуре за два столетия исследовал в 1920-е годы советский экономист-статистик Кондратьев. Изучив динамику цен на мировых рынках за этот период, он пришел к выводу о том, что, кроме «коротких» циклов, описанных Марксом, существуют еще и «длинные» циклы капиталистического производства. Если короткие циклы длятся 7–11 лет, то длинные включают в себя около пяти коротких и продолжаются 40–60 лет.

Сам длинный цикл делится на «повышательную» А-фазу и «понижательную» Б-фазу. В А-фазе кризисы оказываются более разрушительными, чаще происходят войны, социальные потрясения. Б-фаза, напротив, более спокойна. Самые сильные кризисы приходятся на переломные моменты – переходы от А-фазы к Б-фазе и от одного большого цикла к другому. В эти моменты чаще всего начинаются большие войны и поднимаются революционные волны, захлестываю-

щие целые континенты¹.

Теория Кондратьева была первоначально отвергнута официальной советской экономической наукой по политическим причинам, так как она предполагала возможность новых подъемов капиталистической экономики. Однако позже, когда был накоплен большой фактический материал, выводы Кондратьева подтвердились.

«Длинные» циклы связаны с долгосрочными изменениями в структуре производства и вызываемыми ими инвестиционными циклами. Начало нового длинного цикла обусловлено переменами в системе производства, внедрением новых открытий, тем, что сегодня называется научно-технической революцией. В период А-фазы открываются целые новые отрасли производства, где норма прибыли высока. Производственная сфера растет. Экономика испытывает дефицит капиталов.

Затем наступает перелом, цикл вступает в Б-фазу, ресурсы новых отраслей и внедрения новых технологий исчерпываются, норма прибыли в них падает, капитал перетекает в финансовую сферу, пытаются решить проблему снижения нормы прибыли за счет внешней экспансии.

Продуктивно исследовать историю капитализма XX–XXI веков, влияние развития самого капитализма на его «свое другое», революционное антикапиталистическое дви-

¹ Сам Кондратьев выделил следующие фазы длинных циклов: А-фазы 1789–1814, 1849–1873, 1896–1920 и Б-фазы 1814–1849, 1873–1896.

жение, возможно именно с точки зрения наложения «длинных» и «коротких» циклов.

Таким образом, можно лучше понять, почему революционная политика Коминтерна 20-х – начала 30-х годов, пришедшаяся на «спокойную» Б-фазу, дала так мало практических результатов, а революционным движениям 60–70-х, часто уступавшим Коминтерну в идеологическом и организационном отношении, так часто сопутствовала удача. Почему эпоха неолиберальной глобализации, с ее наступлением на права наемных работников, по части антикапиталистического сопротивления сильно уступает эпохе «социального государства», пришедшейся на А-фазу.

Наконец, такой подход позволит нам дать прогноз будущего капитализма и специфики новой волны мировой революции.

Империализм: 1900–1945

1870–1890-е: становление империализма и «первая глобализация»

XX век начинается с А-фазы «длинного» капиталистического цикла.

Ей предшествовала Б-фаза, начавшаяся кризисом 1873–1878 годов, так называемой «поздневикторианской депрессией», самым долгим кризисом за всю историю капитализма. Заканчивается Б-фаза кризисами 1890 и 1900–1903 годов. Первый из них наибольшие хозяйственные потрясения вызвал в Германии, США и Франции, а второй, более долгий и глубокий, затронул Германию, США и Россию. Переход к Б-фазе 1870–1890-х сопровождался франко-прусской войной, объединением Германии и первым в истории рабочим правительством – Парижской коммуной.

Б-фаза 1873–1890-х гг. стала периодом территориального расширения капитализма. Многие исследователи называют его «первой глобализацией» или «первой волной глобализации», что не совсем верно, потому как капитализм на протяжении всей своей истории стремился к расширению, к тому,

чтобы стать действительно всемирной, глобальной экономической системой.

Мировой рынок зарождается как трансатлантический еще в XVI веке, когда торговый капитал Европы впервые осваивает преимущества колониального ограбления Нового Света. Но и эта торговая паутина проникала очень неглубоко, ограничиваясь Европой и побережьем Атлантического океана. До этого, в XV веке, сложились торговые пути португальцев, стремившихся в Азию, вокруг Африки.

Все большие территории и все большее население вовлекаются в логику капиталистического рынка, этот процесс превращает экономику в мировую экономику, все части которой связаны в одну систему торговыми цепочками, а история отдельных стран или «цивилизаций» превращается в мировую историю. Соответственно и революционные изменения теперь приобретают всемирный характер.

Сама экономическая система подчиняется логике накопления капитала. Тот, кто владеет условиями и средствами производства – капиталист, – нанимает на работу того, у кого этих средств производства нет, – «свободного» работника. При этом разница между стоимостью израсходованных средств производства и рабочей силы, с одной стороны, и стоимостью произведенного продукта – с другой, составляет прибавочную стоимость. Часть ее идет на удовлетворение разного рода потребностей капиталиста, а остальное снова вкладывается в производство. Этот в пределе бес-

конечный процесс накопления капитала становится главной движущей силой мировой экономики, которая за несколько столетий проделала путь от весьма скромных капиталов генуэзских купцов до многомиллиардных состояний Джорджа Сороса или Романа Абрамовича, от небольших мануфактур до транснациональных производственных объединений. Общественный прогресс при этом оказывается только побочным продуктом этого экономического *perpetuum mobile*, он является настолько противоречивым, что раз за разом ставится вопрос о том, не слишком ли велика цена прогресса.

Например, расширение «цивилизованной» области за пределы Западной Европы сопровождается уничтожением коренного населения Америки – это от 90 до 120 миллионов жизней. Расцвет капитализма в Западной Европе производит специфические перемены в Восточной Европе, которая становится источником сельскохозяйственных продуктов и сырья для более развитой экономики Запада: здесь «расцветает» самый жестокий за всю историю феодализм, «второе издание крепостного права». В Северной Америке «расцветает» рабовладельческое хозяйство, которое призвано дать хлопок для английской текстильной промышленности. Трансатлантическая работоторговля, которой занимались почти все ведущие «цивилизованные» нации Европы, унесла, по современным подсчетам, 112 миллионов африканцев. К тому же охота за рабами трансформировала социальную

структуру африканского общества так, что плоды этого континент пожинает до сих пор. Более развитые прибрежные племена превращались европейцами в поставщиков живого товара, занимавшихся отловом рабов из числа менее развитых племен. Заложенные таким образом противоречия уже в XX веке привели к вспышкам геноцида и этническим войнам.

Индии тоже пришлось заплатить свою цену за интеграцию в мировую экономику. Английские предприниматели, подавляя конкуренцию, разорили местную текстильную промышленность, что привело к голоду в Бенгалии – основном центре хлопчатобумажного производства страны. В 1769–1770 годах голод унес 7 миллионов человек, треть населения региона. Голод вернулся еще раз в 80–90-е годы XVIII века, когда умерла половина населения – 10 миллионов человек. По мере того как власть англичан распространилась на всю Индию, голод стал общенациональным бедствием. Так, за последнюю четверть XIX века голод унес жизни 26 миллионов индийцев – более миллиона жизней в год.

Чтобы запустить мотор индустриализации и капиталистического накопления, весь мир заплатил очень высокую цену.

К концу XIX века не включенными или слабо включенными в мировой рынок остаются только Африка и Китай. Против них и была направлена внешняя экспансия мирового капитализма, причиной которой стал кризис перенакопления капитала 1870-х годов, «поздневикторианская депрессия».

Внутренние резервы расширения производства на основах, заложенных индустриальной революцией начала XIX века, были к тому времени исчерпаны, а новые технологии, связанные прежде всего с использованием электричества, еще не созданы. Гигантские финансовые ресурсы оказались накопленными, но отсутствовала возможность их производительного использования. Такая возможность была открыта за счет военной экспансии в Африку и военно-политической – в Китай. За 15 лет европейскими державами был поделен континент, который считался до этого диким и никому не нужным. Англия, Франция, Германия, Россия, Япония а также Бельгия и Голландия увеличили в период с 1876 по 1914 год свои колониальные владения в полтора раза. Приобрели колонии и Соединенные Штаты. При чем ни они, ни Германия и Япония ранее колоний вообще не имели, а Франция имела в 10 раз меньше, чем в 1914-м.

Экспансия царской России в Среднюю Азию – единственный внешний рынок, где товары русского капитализма могли не бояться английской и немецкой конкуренции, – стоит в том же ряду, что и раздел Африки империалистами Запада.

В Китай европейский буржуа проник несколько раньше. В 1850–1864 годах США, Франция и Англия помогли династии Цин подавить восстание тайпинов (повстанцы создали в долине Янцзы «Тайпин тяньго» – «небесное государство великого благоденствия»). Однако настоящее масштабное капиталистическое освоение Китая началось поз-

же, когда Поднебесная была разделена «великими державами» на сферы влияния. Помогло в этом усмирение Ихэтуаньского восстания (в Европе его назвали «восстанием боксеров»), начатое тайным обществом «Ихэцюань», что означает «Кулак во имя справедливости и согласия». В расправе над повстанцами принимали участие войска Германии, Японии, Англии, США, Франции, царской России, Италии и Австро-Венгрии – настоящий интернационал капиталистов, который мог бы соперничать по представительности с сегодняшней «антитеррористической коалицией», созданной США. В начале XX века Китай окончательно превратился в полуколонию, экономически и политически подчиненную Европе, США и Японии.

Таким образом, к началу XX века мировая экономика впервые в истории стала по-настоящему глобальной, соединив в одну мировую систему практически все страны и регионы планеты. Произошло это совсем не мирным расширением торговли, а открытием новых рынков военными методами, разрушением традиционной системы хозяйства.

Это географическое расширение сопровождало структурную перестройку капиталистической экономики, переход от домонополистической стадии его развития к монополистической. Название же новой стадии дал именно процесс расширения, осуществлявшийся в форме создания колониальных империй – «новый» капитализм был назван империализмом.

Однако основным в нем был не захват территорий, а концентрация и централизация производства, которая привела к монополии. Рост промышленности и быстрое сосредоточение производства приводят к тому, что несколько гигантских компаний занимают господствующее положение и делят между собой рынок. Материальной базой этого перехода было революционное изменение производительных сил общества, произошедшее в результате внедрения электрогенератора, двигателя внутреннего сгорания и паровой турбины.

Формируются монополистические союзы капиталистов: картели, синдикаты и тресты; происходит слияние банковского и промышленного капитала, в результате чего появляется слой финансовой олигархии, которая концентрирует в своих руках экономическую, а значит, и политическую власть. Монополии положили конец идиллическим картинам «свободной конкуренции», рисовавшимся уму вульгарных экономистов XIX века. На место «свободы» встало «господство».

Переход к империализму был принципиальным переворотом в структуре капиталистического хозяйства, которое по этим фундаментальным определениям принципиально не изменилось и до сегодняшнего дня. Лишь монополии стали еще крупнее, превратившись из национальных в транснациональные, а финансовая олигархия стала еще богаче и сильнее.

На протяжении Б-фазы 1873–1890 гг. (временные гра-

ницы условны, поскольку переход от одного длинного цикла к другому и от А-фазы к Б-фазе внутри цикла растянут во времени иногда на несколько лет), «спокойной» фазы цикла, серьезные экономические потрясения отсутствуют. Кризис 1882 года охватил в основном США и Францию и был не таким глубоким. Политическая жизнь, в отличие от бурной А-фазы (Крымская война, отмена крепостного права в России, революция Мейдзи в Японии, гражданская война и отмена рабства в США, Парижская коммуна), также спокойна. Именно в этот период формируются крупные рабочие партии в Европе, которые оформляются в 1889 году во II Интернационал. Лидеры этих партий, привыкшие к спокойной жизни, часто к жизни парламентских представителей рабочего класса или профсоюзных функционеров-бюрократов, сыграют контрреволюционную роль в ходе следующей А-фазы 1900–1921 годов. Их опорой стал слой «рабочей аристократии», части рабочего класса, который получает от буржуазии определенную прибавку, благодаря чему уровень потребления этого слоя становится выше, чем уровень потребления пролетариата в среднем. Источником этой прибавки являются сверхприбыли, получаемые монополистическим капиталом империалистической нации от эксплуатации рабочей силы других стран.

Впервые такой слой, или, пользуясь современной терминологией, «функциональный подкласс», формируется в Англии середины XIX века, которая пользуется тогда своей

промышленной и колониальной монополией. *«Английский пролетариат – пишет Ф. Энгельс в 1858 году, – фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно»*². Такое положение сохраняется и в 1882 году: *«Здесь нет рабочей партии, есть только консервативные и либеральные радикалы, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке»*³. Промышленное развитие и приобщение к колониализму других европейских держав распространяет эту тенденцию на другие империалистические страны. На новом этапе В. И. Ленин заключает: *«Привилегированная прослойка пролетариата империалистских держав живет отчасти на счет сотен миллионов нецивилизованных народов»*⁴.

² Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу от 7 октября 1858 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, с. 105.

³ Ф. Энгельс. Письмо Карлу Каутскому. // Цит. по В. И. Ленин, сочинения, 4-е издание, т. 22, с. 270.

⁴ В. И. Ленин. Империализм и раскол социализма.

1900–1920: мировая война и мировая революция

Начало XX века встречалось с большой помпой. Считалось, что новый век будет веком рациональности, еще большего расцвета науки и культуры, всего того, что связывалось общественным мнением с понятием «прогресса». Колониальные войны шли «где-то там», а Европа казалась спокойной и процветающей. Она вот уже 30 лет жила без войн и революций. Даже социалисты мирно сидели в парламенте, отвоевывая шаг за шагом демократические права и более высокие зарплаты для наемных рабочих.

Но точно те же стремления, которые сделали конец XIX века временем технических открытий и господства идеологии прогресса, временем, когда казалось, что дикость и варварство отступили навсегда, привели в начале XX века к совершенно чудовищной по своим масштабам бойне. Никто не мог подумать, что цивилизованные европейцы начнут убивать друг друга всеми возможными способами, употребляя самые новейшие технические средства умерщвления на земле, на воде, под водой и в воздухе.

Вопреки радужным ожиданиям, новая А-фаза «длинного» капиталистического цикла почти сразу началась с кризисов и революционных потрясений. На нее приходится глубокий кризис 1900–1903 годов. Этот кризис серьезно затро-

нул царскую Россию.

Рост 1890-х годов создал в империи Романовых успешное и наступательное рабочее движение. Но стачечные успехи рабочих рождали не революционное, а, напротив, реформистское настроение, в этот период господствуют «легальный марксизм» и «экономизм». Затем наступает кризис 1900–1903 годов, и «мирные социалисты» сразу теряют поддержку, инициатива переходит к революционерам ленинского направления, которые создают партию уже на основе своих принципов. В европейском движении в тот же период подъема расцветает «бернштейнианство», течение, названное по имени самого решительного и последовательного реформиста социал-демократии – Эдуарда Бернштейна. С наступлением кризиса усиливается критика реформизма, против Бернштейна выступают Карл Каутский и Роза Люксембург.

Кризис тянет за собой войну. Сначала развязываются локальные конфликты: англо-бурская, американо-филиппинская, итало-турецкая, две балканских войны. Активизируется и революционное движение. В 1905 году происходит буржуазно-демократическая революция в Персии, а после поражения России в войне с Японией и в ней начинается революция. В 1910-м происходят революционные события в Португалии. В 1911 году – революция в Китае.

А-фаза завершается большой войной. Причины Первой мировой подробно исследованы марксистами.

Развитие капитализма идет в разных странах неравномерно. Это привело к тому, что центр накопления капитала стал перемещаться из Британии, новыми центрами становятся Германия и США, которые, вступив на рельсы капиталистического развития позже, могли более эффективно внедрять в промышленности технологические новинки А-фазы. Монополизация и концентрация капитала в этих странах также шла быстрее.

Колониальный раздел мира уже отражал другое соотношение экономических сил европейских великих держав, сложившееся в период раздела Африки. Этот раздел начался на фоне явного промышленного доминирования Англии, которая в 1860 году производила более половины всего чугуна и угля в мире, на нее приходилось около половины мирового производства хлопчатобумажных тканей. К 1912 году доля Англии в производстве чугуна снизилась до 22 %, угля – до 13 %, хлопчатобумажных тканей – до 23 %. В свою очередь значительно выросла промышленная мощь Германии, которая поздно вступила в фазу промышленного капитализма и практически не участвовала в колониальном разделе планеты. Между 1899 и 1913 годами производство стали в Германии увеличилось в три раза, в то время как в Англии всего на 50 %⁵. Колонии Германии составляли «все-го» 1 миллион квадратных миль, их население составляло 14,7 миллиона человек, против 9,3 миллиона квадратных

⁵ В. Перло. Американский империализм. М., 1951. С. 29.

милль и 309 миллионов человек у Англии.

Рост немецкой промышленности, техническое и структурное превосходство германского капитализма над английским просто требовали силового открытия рынка английских колоний для германских товаров. Разительное несоответствие реальной экономической мощи молодых империалистических стран, прежде всего Германии, и доставшегося им «скромного» куска колониального пирога толкнуло последние на путь передела мира. Так сложился блок Германии, Австро-Венгрии, а также экономически зависимых от них Турции и Болгарии. С другой стороны, старые колониальные страны были заинтересованы в ослаблении своих быстро развивающихся конкурентов и не меньше последних готовились к войне. Британия, Франция и Россия заключили военный союз, названный Антантой.

Война стала признаком того, что для производительных сил рамки национальных государств стали слишком тесными, они потребовали организации на уровне, по крайней мере, Европы, а лучше – всей планеты. Капитал же мог решить эту проблему только путем доминирования одних стран над другими, превращением одного из центров накопления во всемирный центр.

Итогом войны стал не передел мира, а революционный взрыв гигантской силы. Кроме революции 1917 года в России, в том же году завершается революция в Мексике, идущая с 1910 года. Войной обостряются противоречия по всей

Европе, распадается Австро-Венгрия, происходят революции в Венгрии и Финляндии, подавленные военной интервенцией. Рабочие занимают заводы на севере Италии, для подавления итальянской революции буржуазия впервые в истории устанавливает фашистскую диктатуру.

Кроме этих, довольно известных событий, происходят забытые или малоизвестные. В 1916 году начинается неудачное антибританское восстание в Ирландии, арабское восстание против Турции, среднеазиатское восстание против Российской империи; в 1917 году – восстания во Французском Индокитае и испанской Каталонии; в 1918 году – «рисовые бунты» в Японии, восстание в Болгарии, крестьянское восстание в Испании, восстание поляков в Германии; в 1919 году – восстания в Венесуэле и Аргентине, антияпонское восстание в Корее, антианглийское в Индии и антифранцузское в Сирии; в 1920 году происходят восстания в Персии, Албании и Палестине. Мировая война вызвала мировую революционную ситуацию.

Однако главные события, определившие вместе с Октябрьской революцией историю XX века, происходят в Германии. В 1918 году там происходит революция. Но социал-демократия в Германии, считавшаяся «образцовой» во всей Европе, помогает спасти капитализм. Ее правые лидеры, такие как Носке, прямо организуют вооруженные отряды для подавления рабочих восстаний под лозунгом «порядка». Эти социал-демократические отряды контрреволю-

ции используют свастику в качестве своего символа – раньше партии Гитлера.

Левые социал-демократы, не считавшие нужным формирование собственной организации и продолжавшие работать в рамках социал-демократии (а потом, после раскола на СДПГ и НСДПГ, в организации «независимых» социал-демократов – центристов), оказались не готовыми возглавить революцию, в отличие от своих российских коллег – большевиков, которые с 1912 года образовали самостоятельную партию.

Социалистическая революция в итоге замыкается в одной недостаточно развитой стране, а в наиболее индустриально развитых странах революция терпит поражение. Там, где социализм подготовлен экономическим развитием, он терпит политическое поражение, а там, где экономические условия не готовы, пролетариат берет власть.

Революционеры делают из этих событий важный вывод о необходимости не просто борьбы с оппортунизмом и ревизионизмом, приспособлением рабочих партий к буржуазной системе и отступлением от марксистской теории, но и о необходимости организационного размежевания с носителями этих уклонов. Происходит разделение на II и III Интернационалы, создаются коммунистические партии.

III Интернационал продолжает готовить революцию в Европе, включая прямую подготовку восстания в Германии в 1923 году. Но мир медленно переходит от А-фазы к Б-фазе

«длинного» капиталистического цикла, революционная волна схлынула. Коминтерн говорит о «временной стабилизации капитализма».

1920–1945: революционный антракт, кризис, депрессия, фашизм и война

Однако проблема не решена. Германский капитализм снова растет быстрее британского, еще быстрее растет капитализм США. США опережает даже волновые колебания, раньше других переходя к новой производственной структуре, основанной на использовании конвейера и более энергичном использовании электричества. Европа же отстает и ограждается таможенными барьерами. На континенте возобновляется борьба между Францией и Германией за угольные и железорудные месторождения – их расположение практически точно копирует те территории, которые планирует аннексировать германская армия и при кайзере, и при Гитлере. Однако еще большее значение приобретает международная борьба за источники сырья, рынки сбыта.

Колониальные владения Британии, капитализм которой продолжает движение по нисходящей, уже явным образом становятся объектом будущего передела.

Весь период 1921–1945 годов мир движется как бы в противоположном к предыдущему периоду направлении. Если период 1873–1914 годов был периодом мировой экономической интеграции, то новый период стал периодом дезинтеграции. Иммануил Валлерстайн сравнивает это время с Тридцатилетней войной, которая закончилась переносом

центра экономической активности из Нидерландов в Англию XVII столетия, имея в виду, что в период 1914–1945 годов решался вопрос о «британском наследстве», за которое боролись Германия и США, и победой последних.

В этой обстановке разразился самый мощный за всю историю капитализма кризис перепроизводства – Великая депрессия. Промышленное производство сократилось в США на 46 %, в Великобритании – на 24 %, в Германии – на 41 %, во Франции – на 32 %. Курсы акций промышленных компаний упали в США на 87 %, в Великобритании – на 48 %, в Германии – на 64 %, во Франции – на 60 %. Безработица достигла невиданных масштабов – 30 миллионов безработных в основных капиталистических странах, из них 14 миллионов в США.

Интересно отметить, что пострадал больше всего именно тот, кто наиболее интенсивно развивался в предыдущий период, в особенности США и Германия.

Кризис еще больше усилил процессы дезинтеграции центров накопления капитала. Инвестиции иссякли, мировая торговля за время кризиса сократилась на $\frac{2}{3}$. Борьба между долларом, фунтом, иеной и рейхсмаркой как финансовыми инструментами разных групп капитала обостряется.

Глубина кризиса как бы показывает, что базовое противоречие капитализма настолько обострилось, что без масштабного государственного вмешательства в экономику капитализм просто перестанет работать. Наиболее известным при-

мером такого вмешательства остается «Новый курс» Франклина Рузвельта в США, но это также и экономическая политика фашистского правительства в Германии.

Германия и США оказываются пионерами перехода к государственно-монополистическому капитализму, позволяющему эффективно задействовать механизмы кейнсианского регулирования. Фактически – это система использования средств государственного бюджета, государственного кредита и государственных заказов для поправки дел крупного капитала.

То, что войны и военные конфликты всего этого (как и последующего) периода были лишь политическим последствием экономической экспансии крупного национального капитала хорошо известно и доказано. Но не менее важным, а возможно и более важным, для капитализма является возможность преодоления кризиса перепроизводства при помощи милитаризации экономики. Это средство применялось и в 1933-м, и в 1939-м, но и в 2001 году.

Великая депрессия толкает монополистические круги на ряд военных захватов – в 1931 году Япония захватывает Маньчжурию (область на севере Китая), а в 1932-м – Шанхай, а Италия переходит к военным захватам в Африке.

Следующий, менее известный кризис 1937–1939 годов имеет большие политические последствия, он бросает капиталистический мир в пламя большой войны. Начинается она широкомасштабным вторжением Японии в Китай, начатым

в 1937 году. Годом раньше, в 1936 году, начинается гражданская война в Испании, где в качестве активных игроков выступают фашистские режимы Германии и Италии. В 1938 году Германия производит аншлюс Австрии, а в 1939 году переходит к прямым захватам: Польша, Чехословакия и т. д. Итальянская армия вторгается в Албанию, а Япония пробует силы своей армии в битве с советскими войсками на реке Халхин-Гол в Монголии.

Наступление блока Германии, Японии и Италии шло под лозунгом борьбы с коммунизмом – факт, который сегодня принято игнорировать. «Антикоминтерновский пакт» в 1936 году подписали Германия и Япония, затем к нему присоединились Италия, Венгрия, Испания, Болгария, Финляндия, Румыния. Во всех этих странах к тому времени существовали фашистские или близкие к фашизму режимы. Фактически фашистские режимы в 1930-е годы были установлены практически во всех значимых капиталистических странах, кроме Британии, которая имела «подушку безопасности» в виде колоний, и Франции, где коммунисты и социалисты, создав «Народный фронт», смогли остановить фашистскую опасность.

США в те годы только с большой натяжкой могут быть отнесены к демократическим государствам – официальный антикоммунизм, неравноправие и ужасающая нищета негритянского меньшинства, антипрофсоюзное законодательство – все это больше походит на фашистские режимы

Центральной Европы, чем на «чистую демократию». К тому же монополистический капитал США вовсе не так единодушно выступал за вступление в войну на стороне антифашистских сил – мощное профашистское лобби было нейтрализовано в США только после атаки японцев, союзников европейского фашизма, на Пирл-Харбор.

Кризис капитализма, который привел к Первой мировой войне, Великой депрессии, имел революционный вариант разрешения – Октябрьскую революцию и реакционный – фашизм. Иные варианты решения были возможны лишь для тех стран, которые тем или иным образом могли смягчить последствия кризиса – за счет эксплуатации колоний, как Британия, или экспортируя свои товары воюющим странам, как США. Идеология и практика режимов, реализующих реакционный вариант выхода из кризиса, поэтому могла быть только антикоммунистической, контрреволюционной.

Поэтому другого научного определения фашизма, кроме как открытой террористической диктатуры крупного капитала, опирающегося на мелкую буржуазию, диктатуры, которая уничтожает организованные формы рабочего движения, – быть не может. Фашизм первым делом уничтожает коммунистические и социалистические партии, профессиональные союзы.

Определяющей была роль коммунизма и в разгроме фашизма. Лишь благодаря участию Советского Союза, во Второй мировой войне победил «демократический» капитал

с центром в США. Советский Союз выдержал удар $\frac{3}{4}$ германской армии на западе, а на востоке только разгром советскими войсками Квантунской группировки японской армии, оккупировавшей Китай, дал американцам решающий перевес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.